

Сергей Ивлев

Дегградация Свои Люди

18+

Сергей Ивлёв

Деградация. Свои люди

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Ивлев С. В.

Деградация. Свои люди / С. В. Ивлев — «ЛитРес: Самиздат»,
2013

Вторая книга цикла "Деградация" рассказывает о судьбе Алексея Чернова. Для кого-то он бунтарь, хулиган и завсегдатай плохой компании неформалов, плывущий по течению. А кому-то друг, родственник, попавший в беду. Мог ли такой человек сменить сторону и оказаться на службе в милиции по другую сторону баррикад? Оказывается, мог. Но выйдет ли что из этого хорошего?

Содержание

Деграция. Свои люди.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Деградация. Свои люди.

Год 2005.

Наступавший сентябрьский вечер уже веял холодом, но это ни сколько не смущало компанию молодежи, разместившейся на детской площадке, заняв все возможные лавочки. Большинство было одето в кожаные куртки с зауженной талией и молнией наискосок, за что эти куртки получили в народе название «косуха», впрочем редко у кого молния была застегнута, из-под курток выглядывали черные футболки с различной устрашающей символикой. Кто-то мог даже похвастаться кожаными штанами, впрочем, это было скорее исключением, большинство просто ограничилось обычными черными джинсами. Несколько девушек повязали на голову платки – банданы, так же то ли с символикой музыкальных групп, то ли просто с пиратскими черепами и костями; ребята бравировали длинными волосами, или же, на худой конец, отросшими, специально не остриженными челками. На вид основной массе было от пятнадцати до двадцати лет, и в них без труда угадывались поклонники одной из молодежных субкультур. Наличие нескольких старых гитар и примитивные попытки на них сыграть позволяли сделать вывод, что субкультура эта музыкальная.

Сидевший чуть в стороне от основной массы в компании с девушкой Алексей Чернов соответствовал этому антуражу если только косухой, да и то больше надетой из чувства солидарности. Он и выглядел старше и физически развитым, редко кто давал ему 21 год, заведомо не зная о его возрасте. Казалось, не так давно он сам имел к ним прямое отношение. Но теперь все постепенно изменилось. Старой компании не стало, люди выросли и теряли интерес к этому увлечению, от нее осталось только несколько человек, так и не нашедших в жизни чего-то более важного и интересного. Сидящая рядом с ним девушка наоборот была миниатюрной, невысокой и худощавой, таким контрастом только подчеркивая достоинства Алексея.

Разумеется, они здесь были не чужими, это был их двор, авторитет Алексея был неоспорим, к нему часто обращались с вопросами и за советами о музыкальных группах как к эксперту, о грядущих концертах и о необходимости забить стрелку с представителями «вражеских» субкультур. Однажды к нему даже пришел местный участковый, подметивший его статус, с предложением забыть старое и начать дружить, но Алексей быстро дал понять, что это ему совершенно не интересно.

– Объясни мне, зачем ты детям пиво покупаешь? – спросила Алексея девушка, сидящая с ним рядом, наблюдая, как к пластиковой бутылке по одному присасываются ребята, и затем передают ее дальше из рук в руки.

– Так им не на что его купить. Слушай, Маш, не начинай, а? Два литра на толпу, что им будет? Или ты предпочитаешь потягивать пивко у них на виду, что бы они слюни пускали?

– Я вообще предпочитаю не пиво. Но мы могли выпить по бутылочке и дома, раз уж ты так хочешь. К тому же на улице холодно. И вообще мы тут скоро перестанем быть своими. Взрослеть пора, Леша.

На этот довод возразить было нечего, но она прекрасно понимала чувства Алексея, почему его тянет во двор, да и сама выросла тут же, рядом с ним. Недолго думая, Алексей снял с себя косуху и накинул на девушку, которая в ней тут же утонула.

К Алексею подошло несколько ребят, явно еще школьников, которых он видел раньше, но их компанию они обходили стороной. Теперь же самый смелый из них заговорил:

– Ты Леха, да?

– Ну я, чего надо?

– Можно нам в твою тусовку?

Следившие за этим разговором ребята сразу загалдели, но Алексей поднял руку, призывая их замолчать, затем сказал:

– Кто порекомендовать может?

– Колян сказал, вы принимаете к себе нормальных ребят.

– Коля, ты за них поручишься? – повысив голос, Алексей обратился куда-то в сторону обладателей косух. Вышедший немного вперед юноша закивал. Тогда Алексей вернулся к подошедшим:

– Колян он для меня, для вас Николай. Понятно?

– Понятно...

– Хорошо. – Алексей вновь обернулся к основной массе и, повысив голос, сказал:

– Принимайте пополнение, народ! На испытательный срок.

Казалось, всего пару-тройку лет назад так же принимали его. Обычный жизненный уклад был разрушен в один момент. В четырнадцать лет у Алексея умерла мама. Совершенно неожиданно оторвавшийся тромб остановил циркуляцию крови, приехавшая бригада скорой помощи лишь констатировала смерть. Его отец и раньше-то бывал дома только по ночам, и то не всегда, постоянно пропадая на работе в личной охране у какой-то «шишки», теперь же Алексей после школы был предоставлен сам себе в пустой квартире абсолютно без чьего-либо внимания. Что бы осуществлять хоть какой-то контроль, Алексея проводывала и кормила обедом соседка, Лидия Павловна, с которой договорился отец. Она в одиночестве воспитывала сына Мишу, который был старше Алексея на пару лет, потому была совсем не против появившейся возможности подработать немного денег. Ее работа фельдшером скорой помощи имела только один плюс, посменный график работы, позволявший ей часто бывать дома в будние дни. Когда же выпадала ее смена, функции воспитателя брал на себя Миша, впрочем, исполнял их скорее формально, эта роль ему была совершенно не по душе, но он сразу преображался, отвечая на вопросы про русский рок, когда Алексей его спрашивал.

Но то было днем. Вечерами Алексей начинал маяться в поисках занятия. Под окнами каждый вечер собирались старшие ребята, ведя себя достаточно шумно, пели под гитару, смеялись, и однажды Алексей набрался смелости, подошел и попросил разрешения послушать песни. Его встретили смехом, но Миша, бывший тут завсегдатаем, шепнул что-то самому старшему из них, тот отложил гитару, цыкнул на остальных и сказал:

– Чего налетели на парня, как шакалы? Или есть желающие, кто хочет с ним один на один предъявить что-то? – Силой и телосложением природа Алексея не обделила, поэтому, не смотря на его возраст, желающих, да и повода не нашлось. – Пусть слушает. Устроим ему испытательный срок, Миша, под твою ответственность.

– Хорошо. Да он нормальный пацан, увидите.

Миша Куприянов тогда возможно просто пожалел его по-своему, зная его судьбу. Для Алексея испытательный срок стал обязательным условием участия в первую очередь в акциях против конкурирующих уличных группировок, чья единственная и главная вина была лишь в том, что они предпочитали другую субкультуру. Фактически молодежи просто нечем было заняться, и таким образом они выплескивали свою энергию.

Достаточно часто эти столкновения заканчивалось травмами и приводами в милицию тех, кто не смог вовремя убежать от наряда ППС, прибывшего по чьему-то звонку на место столкновения, или с последующим отловом тех, кого потом называли задержанные и потерпевшие. Милиционерам проблемы молодежи особо интересны не были, установление всех участников конкретного столкновения их волновало постольку- поскольку, к тому же Алексей был несовершеннолетним, ему все сходило с рук, если не считать постановку на учет и периодические профилактические беседы с инспектором по делам несовершеннолетних. Разуме-

ется, безрезультатные, поскольку пользуясь своим несовершеннолетием вполне осознано, он не брезговал брать на себя чужие грехи, прикрывая признанных лидеров, впрочем, ничего особо серьезного он на себя не брал, от всего, идущего дальше рамок хулиганства, отрекся, хотя милиционеры иногда пытались повесить на молодежь вообще не их «подвиги», таким образом улучшив раскрываемость или просто потянуть денег у испуганных родителей. Однако делали они это достаточно вяло, прекрасно понимая, что любой адвокат, нанятый родителями своему трудному отпрыску, без проблем развалит такое обвинение. Но даже за раз за разом взятую на себя мелочевку Алексей в компании быстро стал своим.

Как и все прочие родители, отец пытался вразумить сына, но дома они теперь встречались совсем редко, так как он встретил другую женщину и жил с ней в ее квартире, забегая к сыну два–три раза в месяц и снабжая того деньгами и продуктами. Да и время было упущено. К окончанию девятого класса Алексей из разряда крепких середнячков скатился к отстающим, впрочем, учителя сироту пожалели, выдав ему аттестат с оценкой «удовлетворительно» практически по каждому предмету, но путь в десятый класс для него был закрыт. Из выпускников трех девятых классов собирался только один десятый, в котором места Алексею не нашлось. Не прошел по конкурсу.

Тогда с подачи отца его приняли в строительный колледж. Он согласился продолжать финансировать Алексея при обязательном условии, что он будет продолжать учиться. Известно как бы продолжалась жизнь дальше, но однажды августовским вечером, еще не начав обучение в колледже, он встретил Машу. Точнее, обратил на нее пристальное внимание, встречал-то он ее и раньше.

Как–то на детской площадке, когда компания потихоньку уже начала рассасываться, а вечер уже плавно перетекал в ночь и ребята начали расходиться по домам, он заметил одинокую девушку, сидящую на лавочке. Она здесь бывала и раньше, но до нее обычно никому не было дела. Невысокая, худенькая, в потертом стареньком легком платьице, она уже начинала ежиться от озноба, потирая себе плечи. Алексей видел ее в школе и знал, что, не смотря на свой обманчивый внешний вид, она его ровесница и училась в параллельном классе, и, так же как и он, осталась без места в десятом. Причем не столько из–за успеваемости, с которой у нее было более–менее нормально, сколько из–за социального статуса, так как она была из неблагополучной семьи, ее родители любили приложиться к стакану, а следовательно, никакой материальной помощи школе от них ждать не приходилось. Иногда они входили в штопор на неделю, квартира превращалась в притон, но самое страшное начиналось тогда, когда пить им было уже не на что. Похоже, что сейчас наступил именно этот период. И какой прок учителям от детей таких родителей? Естественно, никакого. Ни на шторы, ни на охрану с них не попросишь.

Маша держалась обособленно, ни к какой молодежной группе не относилась, но и ее никто не обижал, хотя близко с ней никто тоже не дружил.

– Ты чего домой не идешь? – спросил ее Алексей, подойдя к ней.

– Меня там все равно не ждут...

– Понятно. Ты Маша, да?

– Да. А ты вроде Леша? – спросила она, подняв на него взгляд.

– Ну, меня тут многие знают, – улыбнулся он. – Значит, ты так и будешь здесь сидеть и мерзнуть?

– Ты знаешь, сейчас это лучше, чем вернуться домой, – сказала она, затем заслонила ладонью рот и несколько раз кашлянула. Алексей понял ее по–своему, у него живо всплыли в памяти воспоминания двухлетней давности, дополненные на миг нахлынувшим ощущением одиночества и собственной ненужности. Поэтому, сам того от себя не ожидая, он сказал:

– Понятно. Пошли со мной. Если хочешь, конечно.

Маша недоверчиво подняла голову, косясь на него с явным сомнением. Предложения подобного плана от алкашей, друзей родителей, имели достаточно прозрачную цель. Заметив ее сомнения, Алексей добавил:

– Да не трону я тебя, не бойся, – и, снова улыбнувшись, произнес: – Если тебе эта лавочка кажется более достойным местом для ночлега, то это, конечно, твое дело. Только ты тут замерзнешь и простынешь.

Девушка еще немного подумала, взвешивая все «за» и «против», в итоге встала и произнесла:

– Хорошо. Пошли.

Они поднялись в квартиру, где Алексей открыл дверь в одну из двух комнат, ткнул внутрь пальцем и сказал:

– Располагайся. – Затем вошел туда сам, оставив Машу в дверях, откуда-то из шкафа достал постельное белье, положил на застеленную покрывалом кровать, из другого отсека шкафа достал огромное махровое полотенце. – Застелешь сама, я надеюсь? Ванна там, если нужна, – он указал пальцем сквозь стену комнаты в сторону санузла. – Если хочешь, можешь покопаться в холодильнике, не стесняйся. Все, спокойной ночи.

Не дожидаясь ее ответа, он направился в другую комнату, и захлопнул за собой дверь. Маша еще некоторое время недоуменно смотрела на постель, потом на дверь, за которой скрылся Алексей, затем видимо решив, что утро вечера мудреней, принялась готовить себе спальное место.

На следующее утро Алексей не сразу и вспомнил о том, что он в квартире не один, лишь услышав кашель из соседней комнаты, сообразил, что привел вчера к себе Машу. Между тем она явно не могла откашляться. Тогда он деликатно постучался в дверь.

– Да, Леш, заходи, – откликнулась она, снова начав кашлять. Она уже была одета, постельное белье аккуратно сложено рядом.

– Вот угораздило же тебя практически летом простыть.

– Сентябрь на дворе, если ты не заметил. Ерунда, пройдет, – ответила она, немного откашлявшись. – Я сейчас уйду, ты не беспокойся...

– Я тебя не гоню, да и куда тебе сейчас топать-то, – спокойно возразил Алексей, затем приложил ладонь к ее лбу, не ожидавшая этого Маша немного опешила и отпрянула, осторожно, но настойчиво убрала его руку, но он успел ощутить ее жар. – У тебя температура. Тебе вообще никуда уходить не следует. Ложись. Сейчас врача приведу.

– Не надо никакого врача, зачем? – запротестовала Маша.

– Да не волнуйся, она в соседней квартире живет, сейчас проконсультирует, как тебя лечить. Ложись, говорю.

Лидия Павловна была дома, но изрядно удивилась просьбе Алексея осмотреть пациента, впрочем, отказывать тоже не стала. Через некоторое время она уже выносила вердикт:

– Постельный режим, больше пить жидкости, и принимать эти таблетки, – она записала названия на листке бумаги, затем, покосившись на Машу, добавила: – И желательно ее накормить.

– Я не хочу есть, – прошептала Маша.

– Да ты на себя посмотри, кожа да кости! – возмутилась Лидия Павловна. – Никаких возражений.

Алексей поблагодарил ее за помощь, и проводил до дверей, где она его остановила и спросила:

– А папа знает, что у тебя тут девушка с тобой проживает?

Алексей хотел было ей объяснить ситуацию, как она к нему попала, и уже было начал речь, но бросив взгляд на выражение лица Лидии Павловны, тут же осекся. Она ему все равно не поверит. Потому просто коротко ответил, как есть:

– Нет.

– Я буду вынуждена сообщить ему. – Лидия Павловна открыла дверь, собираясь уходить и давая понять, что разговор на эту тему закончен, но Алексей сказал ей вслед:

– Единственная просьба, можно?

– Какая?

– Не надо ему говорить ничего сегодня. Пусть хоть на ноги встанет. Дня через три, если можно. – Она остановилась и засомневалась, тогда Алексей добавил: – Пожалейте ее. Что это изменит? Сами же сказали, кожа да кости...

– Ну, хорошо. Три дня, – сказала она и вышла из квартиры.

Оставив Машу у себя дома, Алексей быстро пробежался сначала в аптеку, затем в продуктовый магазин, и вернулся как раз вовремя, что бы, открыв дверь, застать Машу, колдующую над замком входной двери. Оценив ситуацию, он только сказал:

– Мария, далеко ли ты уйдешь, если даже с замком справиться не в состоянии?

– Я тебе и так достаточно проблем причинила.

– Это каких же? – удивился он, после чего взял ее, словно пушинку, на руки, не собираясь даже слушать возражения, и отнес назад в комнату, усадил в кресло, затем застелил постель из аккуратно сложенной стопочки белья. – Тебя уложить, или сама?

– Не культурно такие вопросы девушкам задавать, – отозвалась Маша, но, заметив смущение Алексея, улыбнулась. – Сама, не напрягайся.

– Ладно, вот лекарства, – сказал он немного смущенно, поставив рядом пакет сока и медикаменты. – Пойду, сварю бульон тебе, скоро управлюсь...

– Эй, не надо, ну я правда не хочу...

– Отдыхай, – ответил он ей, кинув пульт от телевизора ей на кровать. Сам же пошел в другую комнату, включил компьютер, постучал по пищащему модему, упорно отказывающемуся устанавливать соединение с Интернетом, затем принялся изучать рецепты варки куриного бульона.

Через пару часов, худо-бедно решив поставленную задачу, он вошел с подносом с тарелкой бульона и плавающими в нем кусочками куриного мяса вперемежку с размокшими сухариками, обычно употреблявшимися вместе с пивом. Видимо лекарства уже подействовали, она уже не закатывалась кашлем.

– Ну зачем? – протестовала Маша, – Я не хочу! Не буду!

– Я даже тебе поверю, что не хочешь, это потому что ты заболела, – ответил он ей, – но надо, и это не обсуждается. Не волнуйся, вполне съедобно, я попробовал.

Однако Маша продолжала скептически поглядывать на блюдо. Тогда Алексей зачерпнул ложкой немного бульона, поднес к ее рту, и сказал:

– Давай, за маму...

Маша изменилась в лице, и резко сказала:

– Не надо о моих родителях. Не напоминай, пожалуйста.

– Извини. Но ты поешь, а? Я старался...

Маша снова покосилась на Алексея, но взяла тарелку, и зачерпнула ложкой бульон, стараясь избежать плавающих размякших кусочков сухариков, но все же отправила ее содержимое в рот.

– А ты прав, на вкус это лучше, чем выглядит. Спасибо. – Заметив, что Алексей явно стал довольным от похвалы, добавила: – Добрый ты.

– Пожалуйста, – Алексей засмущался еще больше и налился краской.

– Там еще бульона-то много?

– Добавки принести? Сейчас!

– Нет! Это бы съесть! – остановила она сорвавшегося уже было с места Алексея. – Я оклемаюсь, нормальный суп сделаю из того, что осталось, у тебя там полный холодильник продуктов. Надеюсь ты сухари в него не высыпал?

На следующий день Маша пришла в себя, почувствовала себя намного лучше, и выполнила свое обещание, приготовив суп, салат и полноценное второе. Вечером она снова засобиралась уходить, но Алексей опять запротестовал и проводил ее к постели, хотя она не сильно-то и хотела ложиться и пыталась упираться, впрочем, не очень активно.

– Смотри телек, ты еще не в порядке, – сказал он, включил телевизор и сунул ей пульт в руки.

– Я уже в порядке, – улыбнулась Маша. – Алеша, – она взяла его руку, вынула из нее пульт и убрала его в сторону, но его руку не отпустила, – почему ты со мной возишься?

– Себя вспомнил. Только тебе, похоже, еще больше досталось. Я тебя пожалел.

– Не надо меня жалеть...

– Не кипятись. Каждому нужна забота, тепло...

– И любовь... – добавила она.

– Да, и любовь, – сказал Алексей и повернул голову и кивнул в сторону телевизора. – Но я ее только там и видел последние два года.

– Эй, ты сейчас не туда смотришь, – сказала Маша, аккуратно повернув его лицом к себе. – Я здесь, – она придвинула его голову к себе и поцеловала в губы. Затем немного отстранилась, и спросила: – Ты раньше девушку целовал?

– Нет, – совершенно растерянно ответил ей Алексей.

– Я так и подумала, целоваться ты не умеешь. Но я научу.– Ты, выходит, умеешь? Маша вздохнула, и сказала:

– Не порть вечер.

Улыбнулась и снова его поцеловала, прежде он что-либо ей ответил.

...Отец Алексея обнаружил их, спящих в обнимку, утром. Немного позже, уже на кухне, он кричал:

– Тебе шестнадцать лет, не рановато девок в постель таскать начал? Сколько ей? – спросил он, скептически оценивая Машу.

– Мне шестнадцать, – ответила она, глядя в пол.

– Ну конечно!

– Паспорт в сумочке, можете посмотреть, – не поднимая взгляда, чуть слышно проговорила Маша.

– Ей правда шестнадцать, – пробубнил Алексей.

– А ты хорошо устроился. Гулянки-пьянки, девку привел, а плачу за все я?

– Я пойду... – прошептала Маша.

– погоди, Маш, – Алексей ее обнял одной рукой и прижал к себе. Вариантов освободиться у нее особых не было. Затем посмотрел на отца. – Я могу и сам себя обеспечивать.

– Это интересно как? Воровством?

– У меня не будет особого выбора, – совершенно спокойно ответил Алексей, – ты же понимаешь все сам. Может быть, мне повезет.

– Выброси эти мысли из головы! Так вот, пока тебя содержу я, будь любезен выполнять некоторые обязательства! Отпусти девочку, она домой хотела.

– Зачем мне ее отпускать? Ты уйдешь, мне потом ее искать, назад уговаривать вернуться, – парировал Алексей, хотя и больше назло. – Пусть сразу остается.

– А ты не много на себя берешь?

– Нет. А ты? Если бы я захотел ее от тебя спрятать на два-три дня в месяце, когда ты тут бываешь, я бы спрятал. Но зачем что-то придумывать? – с вызовом сказал Алексей. – Ты тоже неплохо устроился, между прочим, не долго по маме горевал.

– Да как ты смеешь? Что ты вообще о жизни знаешь?

– Многое. Два года назад как увидел ее во всей красе, так и продолжаю наблюдать. И никому до меня нет дела. И вдруг сегодня появляешься ты и начинаешь меня воспитывать. Ты где раньше-то был?

– Я?! Я деньги зарабатывал. Тебя содержу!

– Скажи мне папа, – Алексей обдумывал мысль, внезапно пронзившую мозг, и теперь осторожно подбирал слова, что бы ее преподнести, – ты же еще когда мама жива была, дома появлялся не очень часто. Случаем не у своей нынешней подруги время коротал?

– Что?.. – запнулся отец. – Да как ты...

– Да как я что? – ответил ровным тоном ему Алексей, прижимая к себе Машу уже обеими руками. Отец выглядел растерянным, похоже, попадание было точно в цель. – Ты сам подтолкнул к такому выводу.

– Леша... – сказал отец уже спокойней. – Это все равно не важно уже.

– Может быть тебе и не важно. Сегодняшним днем жить всегда проще. Просто... Это предательство в чистом виде. В общем, не нужны мне твои советы.

– Это ты красиво рассуждаешь, особенно когда всегда в наличии полный холодильник жратвы, приготовленной Лидией Павловной, – он открыл дверь и провел рукой демонстративно по кастрюлям и сковородкам. – Удобно!

– Это Маша приготовила.

Отец бросил удивленный взгляд на девушку, прильнувшую к Алексею. Затем снова перевел взгляд на сына, сказал:

– Ладно, черт с вами. Блажь пройдет. Тебе следует не забывать об учебе, и вам, девушка, наверное, тоже. И еще вам следует помнить о контрацепции, а то наломаете дров... Пока ты учишься, пусть все будет по старому.

– Лидию Павловну можно уволить, – добавил Алексей. Отец лишь одарил его скептическим взглядом. Впрочем, долго он задерживаться не стал и минут через пятнадцать оставил молодых людей вдвоем.

Позже, завтракая на кухне, Маша сказала:

– Как-то ты быстро за меня решил все.

– А ты что, против? – сразу нахмурился Алексей. – Что ж, извини.

– Нет-нет, что ты, – ответила она, впрочем, не совсем уверенно, с тенью сомнения. – Только мне даже переодеться не во что, за вещами бы надо сходить.

– Пойдем, в чем проблема? – сразу воодушевился Алексей.

– Леша, возьми с собой еще пару человек из ребят покрепче, и тогда пойдем, – сказала она, мрачняя, затем, подумав немного, еще добавила: – Только не калечьте там никого. И сами будьте осторожны.

– Хорошо Маш, я понял, – ответил посерьезневший Алексей, оценив смысл сказанного. Спустя некоторое время, он снова заговорил: – Надо тебе косуху будет приобрести.

– Мне? Зачем? – удивилась Маша.

– Что бы все знали, что ты из наших, и тебя никто не трогал.

– Да меня и так никто не трогает. Но если ты так хочешь... – она улыбнулась. Предложение вроде бы ей понравилось.

С тех пор прошло пять лет. Вопреки ожиданиям, они все еще были вместе. Алексей благополучно окончил колледж, не особо успешно, но с достаточным результатом для зачисления в не очень престижный строительный институт без экзаменов, после чего отец предложил продолжить их «сотрудничество» еще и на время обучения в институте, раз уж теперь впереди был уже сразу третий курс. Маша так же отучилась в одном из колледжей на бухгалтер, но учиться дальше отказалась категорически, и устроилась в одну из компаний помощником главного бухгалтера.

Алексея эта ситуация не очень устраивала, так как получалось, что он фактически сидит на шее у отца и Маши, но те его успокаивали, иногда даже вместе, мол свое он еще возьмет. Бросить дневное обучение означало тут же оказаться в сфере интересов военкомата, поэтому Алексею приходилось довольствоваться случайными заработками, от которых он никогда не отказывался.

Вечерние посиделки со временем стали сходиться на нет из-за изменившихся интересов и совсем других жизненных проблем, но иногда Алексей появлялся вечером на детской площадке, как правило, в компании Маши. Старые лидеры пропали кто куда: кто-то переехал, кого-то изменила до неузнаваемости служба в армии, кто-то оказался за решеткой, а кто-то, как Миша Куприянов, познакомился с наркотиками и перестал быть тем человеком, которого все знали и уважали. Впрочем, были и те, кто просто повзрослели, обзавелись семьями, принеся новые проблемы, так что на старое хобби времени не осталось. Сам Алексей сюда заходил скорее по привычке, но его помнили, еще бы, одна из легенд двора. Кроме того, обычно он покупал двухлитровую бутылку пива и отдавал ее на «общак», за что его авторитет возносился до небес. Но теперь ему это все уже было не так важно. Всему свое время.

Между тем, Маша продолжала ему выговаривать:

– Я же говорила. И что в итоге? Допили они «баклашку», и все равно теперь слюни пускают. Пошли домой?

– Ладно, уговорила. Сейчас пойдем.

Обычно так легко Алексей никогда не соглашался, потому заподозрившая неладное Маша тут же произнесла:

– Что-то ты сегодня как-то не весел.

– Маш, у меня экзамен с весны висит, сдать не получается. Сессия давно уже кончилась, сроки горят. Наверное, придется платить... Неделю мне дали, потом все, отчисление.

Маша возмущаться не стала, а просто спросила:

– Сколько?

– Двести долларов.

– Совсем никак иначе?

– Никак. Попрошу у отца.

– Ладно, – вздохнула она. – Только он будет немного не доволен. Может, сами перекрутятся?

– Немного, ага, – Алексей прекрасно понимал, что это «немного» означало очередную ругань. Но бросив беглый взгляд на Машу, сразу вынес вердикт: – Нет, от тебя отрываться я не хочу.

– Алеша...

– Не обсуждается. Пошли домой.

Но только они засобирались, к ним подбежал молодой парень, которого они по имени-то и не знали, изменивший сразу свой маршрут от основной группы к Алексею, как только заметил его присутствие, и произнес:

– Слышали новость? Михе четыре года присудили.

– Куприянову? – уточнила Маша.

– Да.

Что ж, это был закономерный итог. Миша несколько лет назад попробовал героин, и за прошедшее время превратился буквально на глазах в опустившегося, конченого наркомана. Из дома уже нечего было выносить, и что бы остановить ломку, он не придумал ничего лучше, чем взять с собой такого же друга и ударить ночью трубой прохожего в соседнем дворе по голове и обчистить его, что они и осуществили, но попали в кадр камеры наблюдения, установленной на подъезде. Больших сложностей установление личностей нападавших у милиционеров не вызвало. Достаточно быстро его взяли, отпираться он не стал, до кучи получил еще

какой–то эпизод в нагрузку от следователя, не имевшего большого желания что–то изобретать для раскрытия аналогичного дела. В итоге за два эпизода с тяжкими телесными повреждениями и грабежами он мог получить и больше, но его мать, Лидия Павловна, последние свои сбережения потратила на адвоката. Видимо толкового, пару лет ему как–то с потенциального срока снять удалось.

– Но это еще не все. Чижа черные прессанули. Морду набили и карманы вывернули. Деньги, плеер, телефон...

– Нашего Чижа? – уточнил Алексей. Он знал этого парня из молодого пополнения, получившего свою кличку за любовь к творчеству одноименной группы, но имя вспомнить с ходу не мог.

– Ага. В больничку увезли.

– Когда?

– Пару часов назад. Мы им уже стрелку забили.

– И когда?

– Через час на стройке.

– Маша, это уже беспредел, – обратился Алексей к своей спутнице, – этого нельзя прощать. Иди домой.

– Может проще в милицию обратиться? – спросила она, но Алексей одарил ее взглядом исподлобья, и она лишь добавила: – Ладно, жду дома. Но я это не приветствую.

Визуально проводив Машу до подъезда и удостоверившись, что она вошла в него, Алексей повернулся к группе ребят, и сказал:

– Собирайте бойцов. Пойдем, пообщаемся.

После чего взял недопитую Машей бутылку пива и аккуратно сунул во внутренний карман. Не выбрасывать же.

Стройка представляла собой обнесенное забором недостроенное здание, явно промышленного характера, и находилась совсем не далеко. Его начали строить еще в советское время, но с развалом страны она сначала остановилась, потом куда–то увезли краны, уехала прочая строительная техника, после чего все, что стоило хоть что–то и представляло интерес местного населения, было растащено. Остались нетронутыми лишь бетонные плиты, сложение друг на друга, но оно и понятно, их тихо не унесешь. Теперь уже было принято решение о сносе недостроенного здания, но десяток этажей без крыши с пустыми оконными проемами, словно памятник, пока все еще служили наглядным напоминанием о первой десятилетки новой независимой России. Это место традиционно служило площадкой для столкновений и выяснения отношений между противоборствующими молодежными движениями. А последние несколько лет и для решения межнациональных проблем. Группа из примерно двадцати человек под предводительством Алексея остановилась у входа на территорию стройки.

– Там они, человек пятнадцать, – предоставили Алексею доклад ребята, посланные на разведку. – Кавказцы похоже, или какая другая чернота.

Черными, или как–нибудь еще похлеще, обычно называли всех выходцев из народов Кавказа, мигрирующих в сторону Москвы, и традиционно оседающих в районах с рынками и прочей торговлей. Поскольку вещевой рынок наличествовал и был в относительной близости, район, в котором проживал Алексей, был не исключением, кавказская диаспора постепенно увеличивалась. Конечно, она была неоднородна и включала в себя различные национальности, но какой конкретный народ кто представлял, никого особо не интересовало. Для русских и примкнувших к ним родственных славян они все были лицами одной, кавказской национальности, появившейся благодаря неграмотным журналистам. И если поначалу одиночные представители вели себя очень спокойно, то со временем, объединившись в группы, стали вести себя гораздо наглее. Это касалось и молодежных формирований. Особенно когда с Кавказа приезжало свежее пополнение к родственникам в поисках лучшей доли, часто из провинциаль-

ной глуши своих стран, а кто-то и вовсе действительно спустился с гор. Московская реальность для них почему-то очень быстро становилась синонимом вседозволенности, уж очень она была далека от привычных традиций, обычаев и порядков. А уж сколько кругом было соблазнов...

Естественно это приводило к столкновениям, причем если раньше московские молодежные группы разных направлений ни при каких обстоятельствах не выступали единым фронтом против какой-то третьей силы, то теперь такое периодически случалось. Впрочем, в сводках милиции никаких этнических столкновений и вообще любых конфликтов по национальному признаку никогда не фиксировалось. Еще бы, это же сразу привлекало пристальное внимание со стороны общественности, правозащитников, возмущенных представителей этнических диаспор и просто журналистов, главным образом, всех интересовал вопрос, как же, в первую очередь, милиция такое допустила. Милиции на этот резонансный вопрос отвечать совершенно не хотелось. А раз так – нет проблемы, нет вопросов. Славянские междоусобные мордобои никогда никакого резонанса не вызывали. Так и оформляли, если оформляли вообще.

Вот и сейчас из-за забора стройки доносились звуки национальных кавказских песен и танцев, по всей видимости, горцы поднимали свой боевой дух. Разговаривать с ними было совершенно бесполезно, любые переговоры означали принятие их видения вопроса как бесспорную истину, уступки принимались же за слабость противников. Это тоже стало понятно не сразу. Поэтому, старую истину про чужой монастырь приходилось объяснять силой.

Впрочем, другую старую истину про то, что далеко не национальность красит человека, а скорее наоборот, доказывал Ашот. Выросший в Москве в армянской семье, он надел косуху и без особых проблем влился в коллектив, приняв его нормы и правила без какого-либо дискомфорта для себя. Конечно, вероятно положительную роль в этом процессе сыграло детство в русском обществе и дружественные религиозные взгляды двух народов, но факт оставался фактом, хотя «соклановцы» временами подкалывали его на тему национальности, но совершенно беззлобно. Он был своим, прекрасно это знал, потому не обижался. Более того, сам кавказцев иной раз называл черными и даже более обидными производными словами, категорически отказываясь причислять себя к ним.

– Ну что, Ашот, узнаешь мотивы? – спросил Алексей.

– Нет, – ответил Ашот чуть погодя, видимо прислушавшись к тексту песен. Для всех остальных любое кавказское музыкальное творчество на слух было примерно одинаковым, но на Ашота все уставились с подозрением. Он поспешил объяснить: – На Кавказе более сотни народов и народностей. Думаете, я каждый язык свободно знаю? К тому же я даже на армянском с сильным акцентом разговариваю.

– Да какая разница, кто они, – ответил Алексей, – Ашот, если тебя это как-то задевает, можешь не участвовать, я пойму.

– Леха, я даже рад, что ты не в курсе о глубокой, многолетней дружбе между отдельными народами Кавказа, – Заметив, что Алексей совершенно не понял тонкого намека, он добавил: – В общем, если ты хочешь с ними о чем-то поговорить, прежде чем начнется махач, не стоит им до тех пор вообще меня видеть.

– Вот так? Вы же вроде одинаковые... Ты не подумай... А кто ты там сам по национальности-то?

– Мы не одинаковые. Можешь считать, что я русский в их понимании, – сказал Ашот, и улыбнулся. Впрочем, улыбнулись все, хотя мало кто из ребят вообще задавался вопросом, что такое ассимиляция, и почему второе поколение практически любых мигрантов, оторванных от своей кровной нации, уже являлось полноценными носителями культуры той страны, в которой они выросли.

– Ладно парни, хорош веселиться! – осадил всех Алексей. Из толпы же кто-то сказал:

– Может, скинов позовем? Тут они помогут без вопросов.

– На кой хрен нам эти фашисты! Сами справимся, – ответил Алексей, – да и по Ашоту у них как раз могут возникнуть вопросы.

Никто не знал, откуда вообще появились скинхеды, но крепкие бритоголовые ребята в армейских ботинках действительно встречались. Хотя конфликтов с ними особых никогда не возникало, сферы интересов явно не пересекались. Было件нятно, что как явление они появились как ответ беспардонным понаехавшим. Хотя и дружескими отношения с ними тоже далеко не были. Как-то уж очень не по душе было их заигрывание с нацистской свастикой для ребят, объединившихся просто на основе музыкальных вкусов, оттого дел с ними предпочитали не иметь. Да и на Ашота действительно те поглядывали косо, впрочем обострять отношения из-за него одного него тоже не хотели. Так как прекрасно знали, чей он.

– В общем, слушайте меня, – продолжил инструктаж Алексей. – Ашот, бери себе человек десять на твой вкус, и обходите стройку вокруг к дыре в заборе. И не показывайтесь, пока не начнется махач. Остальные со мной через центральный вход пойдут. Пусть почувствуют себя в большинстве. Как начнется, подлетайте. Мы пойдем налегке, с пустыми руками, что бы они потом не сказали, что мы вооруженные до зубов пришли. Ашот, а вы можете уже хоть с палками подлетать, вы же типа на помощь слабым придете. Только больших всех оставь тут, нам их в лоб встречать.

Ашот кивнул, быстро перечислил нужных людей, и его группа легким бегом побежала по периметру забора, вскоре свернув за него за угол и скрывшись из вида.

Решение идти налегке не означало полного отсутствия оружия как такового, так как даже обычные «тематические» кожаные перчатки с металлическими шипами на костяшках в рукопашном бою становились серьезным аргументом, а многие не брезговали носить в карманах полноценные кастеты, сделанные кустарным способом, цепи, или даже нунчаки, скрытые от любопытных глаз косухой во внутреннем кармане. Впрочем, нунчаки были скорее выпендрежем, чем реально полезным оружием, никто толком не умел с ними обращаться. Подобные меры вошли в моду именно с появлением кавказских молодежных групп. У них «на вооружении» встречались и ножи. Поэтому столкновения с ними отличались повышенным градусом жестокости.

– Леха, а ты что же, совсем без ничего пойдешь? – спросил кто-то из ребят.

– Ну почему же, вот, – он указал на пустую бутылку пива в руке. – И кстати, есть еще Машкина, – сказал он и достал ополовиненную бутылку, отправив пустую во внутренний карман. – Держите. По глотку. Для поднятия боевого духа.

Через минуту к нему вернулась пустая бутылка. Еще раз окинув взглядом ребят, Алексей коротко скомандовал:

– ГОТОВЫ? ПОГНАЛИ!

Открыв металлическую дверь, врезанную в забор, он первым вошел на стройку с пустой бутылкой в руке. Группа двинулась за ним в сторону молодых кавказцев, сидящих на корточках в стороне, которые показательно не обращали никакого внимания на вошедших, продолжая негромко щебетать на своем языке, и дружно встали, только когда до них осталось метров десять. Чуть в стороне, на верхней из сложенных друг на друга потрескавшихся бетонных плит, стоял магнитофон, из которого и доносились кавказские барабанные мелодии.

– Вырубите свою шарманку! – прокричал Алексей.

– А то что? – высокомерно спросил его один из кавказцев, который, видимо, был их лидером.

Не вступая в дальнейшую словесную перепалку, Алексей запустил бутылку из-под пива в магнитофон. И попал. Бутылка от удара о магнитофон разлетелась на множество осколков, сам магнитофон слетел с плит, ударился до кучи о землю, и затих.

– Ненавижу хип-хоп! – заявил Алексей, так как совершенно не представлял, к какому музыкальному направлению отнести услышанное барабанное песнопение и не прекращаю-

щийся ударный ритм на один мотив. Поэтому просто выбрал одно из наиболее враждебных направлений его музыкальной культуре.

– Ты за это ответишь! – прошипел тот же кавказец.

– За что Чиж изуродовали?

– Мы взяли то, что принадлежит нам. Вы должны нам денег.

– Кто это «вы»? Мы вам ничего не должны! Никто из наших с вами никакого дела бы иметь не стал!

– Ваш парень, Миша, взял в долг у нас. И не отдал вовремя. Точней, вообще не отдал.

– Какой такой Миша? Что ты гонишь? – с вызовом произнес Алексей.

– Куприянов его фамилия.

Алексей изменился в лице. Миша Куприянов явно искал денег на дозу, и ему все равно было, где он их возьмет.

– Ты что, не видел, кому давал? Он давно уже не наш!

– У него на лбу не написано, что он уже не ваш, да и терся он постоянно с вами. А что он торчок, так это его личное дело. Свое слово мужчина должен держать.

– И при чем тут Чиж?

– Так Мишу вашего закрыли. Должна семья за него отвечать. Он из вашей семьи, первым нам попался, и не захотел долги отдавать. Еще и дерзил. Я уже сказал, мы взяли то, что принадлежит нам. Теперь вы должны нам еще за магнитофон.

Алексей бросил взгляд, полный ненависти, на кавказцев. Типичная их логика, дальше можно не продолжать. Они тоже прекрасно понимают, что разговор закончен, и в данный момент ожидают его решения, хватит ли у него смелости пойти в неравный бой, или же он отступит с позором. Если сейчас отступить, значит, они вообще ни во что не будут ставить их в дальнейшем, так как только язык силы для них приоритетен. Поэтому, набрав полную грудь воздуха, Алексей прокричал:

– Бей чертей!

И его группа пошла за ним в атаку. Их противники, ощущавшие свое численное превосходство, даже опешили от неожиданности и удивления, что стоило им потери инициативы, некоторые из них сразу упали, пропустив неожиданные встречные удары. Однако быстро пришли в себя. Завязалась жестокая и скоротечная уличная драка, без правил, без пощады, с добиванием упавших руками, ногами, палками и камнями что бы исключить всякую возможность их дальнейшего сопротивления. С обеих сторон уже было несколько лежавших на земле, так и не поднявшихся после лобового столкновения. Но вот из-за угла недостроенного здания показалась группа Ашота с ним же во главе, вооружившаяся палками, металлическими прутьями и прочими подручными средствами, доступными на стройке, и с воинственными криками атаковала кавказцев с тыла.

Их появление внесло решающий перелом. Не ожидавшие открытия «второго фронта» кавказцы растерялись, перестали прикрывать друг друга, были разбиты на мелкие кучки и стали терять одного за другим своих бойцов. Однако те из них, кто обернулся встречать новых противников, заметили атаковавшего их Ашота, ко всему прочему еще и кричащего что-то или на своем родном языке, или на каком-то другом кавказском диалекте, но своего он добился, его тут же приняли за приоритетную цель. Ох слукавил Ашот, знал с кем дело иметь придется. Но сейчас это было уже не важно. Как результат, Ашот, оказавшись в локальном меньшинстве, отбивался от двоих. Естественно, долго сопротивляться он не смог, пропустил очередной удар и оказался на земле. В этот самый момент Алексей как раз освободился от своего оппонента, и поспешил на помощь, и очень вовремя, так как Ашота не стали добивать ногами. Один из его противников потерял к нему интерес, оценив ситуацию на поле боя, он двинулся к другой группе, но вот второй... Присевший на одно колено кавказец держал нож и уже заносил руку для удара. Алексей в один прыжок оказался рядом, левой рукой перехватывая руку с ножом,

правой опуская на голову вторую бутылку из-под пива, еще в прыжке выдернутую из внутреннего кармана кобуры. Бутылка разбилась, посыпались осколки, противник сразу обмяк и выронил нож, по голове потекли струйки крови.

– Сзади! – прокричал Ашот, но было поздно. Второй кавказец, успев поднять металлический прут, по иронии судьбы потерянный Ашотом, вернулся и нанес удар Алексею по затылку. И он погрузился в темноту.

– У тебя сотрясение, нужно к врачу, – голос Ашота доносился издалека. – Давай Леха, вставай, отсюда надо валить. А то счас менты нагрянут...

Возвращение к реальности было неприятным. Алексей чувствовал тошноту, в глазах двоилось, зрение фокусировалось с трудом. Затылок пульсировал болью. А еще сильно горели щеки, вероятно приводили его в чувство пощечинами.

– Что произошло? Мы победили?

– Ага. По очкам. Когда ты уложил этого отморозка с ножом в руке, а потом уложили тебя рядом, они остановились. Видимо дошло до них, что оставшихся мы сомнем, а резня никому не нужна. Наши без тебя немного растерялись и тоже встали, на том и закончили. Ну поорали еще друг на друга... Ты прилично его приложил, у него вся башка в крови была...

– Где они?

– Кто знает... Собрали своих и быстро ушли. Наши тоже ушли, мы вчетвером остались тебя забрать. Думали, ты вообще коней двинул.

– Врача не надо, просто помогите до дома добраться. Значит, вы их отпустили?

– Ну не убивать же нам их, в самом деле! К нам они претензий более не имеют, это был наш ультиматум. Требовать что-то с них мы не стали, магнитофон ты им угробил капитально. Думаю, связываться побоятся впредь. Вроде нормальный результат.

– Ладно, помогите мне встать.

Примерно через час шатающегося Алексея доставили домой и сдали на руки Маше. Оставшись наедине, она, прикладывая намоченное полотенце к опухшей ране на голове, выговаривала ему:

– Вы идиоты! Друг друга калечите, не задумываясь. Так и поубиваете...

– Маша, не мы начали...

– Обещай мне, что прекратишь это! Хватит! – она не удержалась и заплакала. – Я к тебе пришла, что бы не видеть этого, а ты... Зачем...

– Не плачь...

Алексей где-то в глубине души понимал, что она права. Кроме того, женские слезы в любом нормальном мужчине порождают чувство вины, независимо от реальной картины. Но как он мог отказаться?

Следующие два дня он провалился в постели. На утро третьего, собрав силы в кулак и взяв, скрепя сердцем, оставленные Машей двести долларов, он отправился в институт. Но прямо на выходе из подъезда к нему подошли милиционеры.

– Чернов Алексей? Вы задержаны, пройдемте с нами.

После чего его доставили в районное отделение, где ничего не объяснив, посадили в камеру на пару часов. Затем ему предъявили обвинение и рекомендовали признаться во всем чистосердечно, заодно назвав соучастников, дабы смягчить свою вину. Оказывается, что он, совместно с неизвестной группой лиц, руководствуясь какими-то своими мотивами, напал на гражданина Мамедова, мирно общавшегося с друзьями, нанес ему удар по голове бутылкой, что подтверждалось показанием еще нескольких свидетелей. Гражданин Мамедов получил сотрясение мозга и множественные резаные раны от осколков бутылки, и сейчас находится

в больнице в тяжелом состоянии. Однако это тяжелое состояние, как ни странно, не помешало ему дать показания и вспомнить детали.

Изложить же иную версию происшедшего означало назвать тех, с кем он был на стройке, а их дела безобидными назвать нельзя. Поэтому Алексей молчал. Но его мнения особо никто и не спрашивал, по всей видимости, доказательной базы хватало и так. Более того, какие-то новые факты могли только запутать дело, и это никому не надо было. Его просто отправили назад в камеру.

Просьбу Алексея позвонить никто не исполнил, потому ночь он провел там же в полном неведении о ситуации дома. Конечно, Маша наверняка подняла тревогу, но нашли его только на следующий день. Утром дверь камеры открылась и его снова повели по коридорам. Но вопреки ожиданиям об очередном допросе, привели его к кабинету начальника криминальной милиции отдела. После чего сопровождавший его сержант постучал в дверь, открыл ее, доложил о доставлении задержанного, услышав «заводи задержанного», подтолкнул Алексея в кабинет.

В кабинете несколько разномастных потертых столов, составленных вместе, образовывали букву «Т». Во главе этой конструкции сидел мужчина лет 45 в костюме, по всей видимости и являющийся начальником криминальной милиции. На гостевых местах находился отец Алексея, и его тетка, Филатова Людмила Владимировна, сестра его матери. Пока была жива мать, он часто видел ее в гостях, или сам бывал у нее с мамой, где он проводил время со своими двоюродными братом и сестрой, хотя это ему не сильно нравилось, так как они были сильно младше. В целом, у него складывалось впечатление, что она к нему относилась доброжелательно. Впрочем, после смерти матери общение с ней ограничивалось ее звонками по праздникам и взаимными поздравлениями с оными. Так же ему было известно, что она имела какое-то отношение к милиции. Милицию Алексей не любил, поэтому этот вопрос не выяснял. Сейчас при его появлении все бросили на него беглый взгляд, затем снова повернулись к начальнику КМ, который сказал:

– Ваш?

– Мой, – подтвердил отец.

– Почему ты никому не позвонил? – сразу спросила Алексея тетка.

– А как? – удивился Алексей. – Телефон у меня отобрали.

– Тебе не разрешили позвонить? – уточнила она.

– Ну да...

– Товарищ майор, вам не кажется, что вы допустили некоторое нарушение...

– Ну допустили, и? Людмила Владимировна, вы же понимаете, что это мелочь! Да и какое отношение это имеет к делу? – ответил он, улыбнувшись ей.

– Что за шишка на голове? – спросила она Алексея.

– Друг потерпевшего железякой заехал, – угрюмо ответил он. Людмила Владимировна снова обратилась к милиционеру:

– Это отражено в деле?

– Нет, – равнодушно ответил он, – он мог получить травму где угодно, свидетельских показаний нет на сей счет. И я бы вам рекомендовал прекратить искать подвох в нашей работе. Или эта беседа прекратится немедленно.

– Да, Людмила, достаточно, – снова подал голос отец. – Мы должны искать пути выхода из положения, а не скандалить.

В этот момент дверь открылась, в нее заглянул сержант:

– Товарищ майор, вас вызывает начальник отдела.

– Хорошо, – кивнул он сержанту и отправился на выход, у самой двери он обратился к посетителям: – Вы тут можете обсудить пока сложившуюся ситуацию и прийти к решению, – сказал он, и вышел из кабинета.

– Ну что, допрыгался? – сразу напал отец на сына. – Но ничего, тюрьма тебе на пользу пойдет!

– Федя, какая на хрен тюрьма, о чем ты?! Хочешь сына потерять?

– Ты знаешь, он уже давно потерян...

– И кто в этом виноват? – спросила она отца, и уставилась на него.

– Кто? – с вызовом спросил он.

– Иру со свету сжил, теперь и за сына взялся? Что ты за человек! Думаешь от ребенка откупиться можно? Ребенку нужно уделять время!

– Этому ребенку?! – он ткнул палец в Алексея. – К тому же, я должен был работать! Что бы...

– Что бы по бабам шляться? Думаешь, никто не в курсе? Объясни мне, пожалуйста, чего ты уперся, когда я его забрать хотела? Отцовские чувства разыгрались вдруг резко? Или просто: «мое – не отдам»?

– Ты хотела меня забрать?! – воскликнул молчавший до этого Алексей, для которого эта новость стала полной неожиданностью.

– Хватит! Стоп! Знаете что, с меня действительно хватит! Я в двадцать лет уже себя сам обеспечивал и решения принимал, а ему даже больше! Его сегодня вытащишь, завтра он себе новый геморрой найдет. Я сюда ехал, думал хулиганка очередная мелкая, а тут криминал откровенный. Я не считаю, что мое вмешательство что-то принципиально изменит. Если ты думаешь иначе, возись с ним сама. Более препятствовать тебе я не намерен. Хочешь его забрать – забирай! – Он достал из кармана конверт, положил на стол. – Здесь тысяча долларов. Больше у меня нет. На дальнейшую мою поддержку можете оба не рассчитывать, – затем, повернувшись к Алексею, он добавил: – Обеспечивай себя сам, большой мальчик уже. Удачи.

Он встал из-за стола, дошел до двери, перед дверью задержался, обернулся, хотел что-то добавить, но в итоге просто махнул рукой, вышел из кабинета и захлопнул дверь.

– Ты правда хотела меня забрать? – повторил свой вопрос Алексей, глядя на тетку.

– Хотела. И мужа убедила. Только он уперся, – она кивнула на дверь. – В этой ситуации я ничего не могла сделать. Он отец, у него прав больше. – Она вздохнула, покосилась на конверт. – Ладно, Алеша, лирику в сторону. Что мы имеем... Я попробую тебе помочь, но запомни, сделаю это один раз. Тысяча баксов маловато, но... Твое дело в прокуратуре развалить стоит десять. Что ж, значит, здесь попросят минимум пять. Придется давить с позиции силы. – Заметив, как у Алексея округляются глаза, она добавила: – Ну а как ты хотел, это уже не мелкая хулиганка. Только если он упрется, – она указала на кресло начальника, – я ему смогу только кровь попортить в лучшем случае, тебя это не спасет. Но это маловероятно. Расскажи хоть, что произошло. Только правду.

Алексей рассказал ей все. Но в конце добавил:

– Я все равно не могу дать никаких показаний. Я своих ребят подставляю.

– Вот вам заняться нечем! Ты прав, им запросто тяжкие телесные раздадут! Да и тебе, причем в группе по предварительному сговору... А это плохо! Чего тебе спокойно не живется? А всего-то надо было вам первым заявление принести. Тогда бы ситуация развернулась на 180 градусов и крайними стали бы зверьки!

– Кто? – не понял Алексей.

– Гости с Кавказа, к которым вы отнеслись с теплом и радушием, – уточнила тетка.

Дверь открылась, в кабинет вернулся начальник криминальной милиции и, проследовав на свое место, плюхнулся в кресло.

– Прошу прощения, служба, – сказал он, улыбаясь. – А мы тут, как я погляжу, уже несем потери?

– Да, но убывший оставил взнос, – сказала Людмила Владимировна, указывая на конверт.

– Что это? Взятка?

– Ага, – как ни в чем ни бывало, подтвердила тетка. – Товарищ майор, не ломайте комедию. Я же кухню тоже прекрасно знаю.

Он покосился на сумочку, намекая на устройства записи аудио и видео, но Людмила Владимировна тут же успокоила его, впрочем, достаточно своеобразно:

– Ну, допустим, посажу я вас, дальше что? Как это ему поможет? – она ткнула пальцем в Алексея. Начальник хмыкнул, затем, усевшись на свое место, сказал:

– Что ж, хорошо, что мы друг друга понимаем. Тем лучше. Дежурный мне сказал, что вы тоже сотрудник. А сколько тут?

– Тысяча долларов.

Майор скривил кислую гримасу. И даже не стал скрывать своего разочарования:

– Людмила Владимировна, вы же понимаете, что это не серьезно. Мне же с операми делиться, и чем же прикажите? Вы знаете, какая заработная плата у обычного опера? Вы вот кто по должности?

– Зарплата опера мне известна. Я по должности заместитель начальника информационного центра по кадрам. Моя зарплата не сильно отличается от вашей.

– Ну вот видите, вы же зна... – но в этот момент до начальника дошел смысл сказанного, и он тут же изменился в лице: – Погодите, вы заместитель начальника чего...? Но дежурный сказал что...

– Ваш дежурный идиот. Инстинктивно среагировал на орла на ксиве, когда я его от пасьянса на компьютере отвлекла. Я ему даже не открывала удостоверения, а просто показала корочку, сказала, кто мне нужен, он тут же стрелки перевел. Впрочем, вижу, вы сомневаетесь? Что ж, смотрите. – Она развернула свое удостоверение перед его лицом. Некоторое время он внимательно читал. Затем, уже серьезным тоном, спросил:

– И что вы предлагаете?

– А как вы думаете? Развалите дело. И примите небольшую компенсацию в качестве благодарности, – она снова указала на конверт. – И дальнейшие взаимовыгодные дружеские отношения между нашими службами.

Однако майор встретил это предложение даже возмущенно:

– Не слабые у вас просьбы, знаете ли! А если я скажу нет? Что нам ваш информационный центр сделает-то? – усмехнулся он.

Однако, Людмила Владимировна тоже скривила улыбку. И начала планомерное наступление:

– Не забывайте, ваш отдел передает в нашу контору сведения о своей деятельности. Вдруг он резко просядет в показателях?

– Будет неприятно. Но правдивые сведения все равно всплывут, и все станет на свои места. Ваши люди пойдут на это? Они же себя подставят.

– Не себя, что вы. Технические сбои бывают, мы элементарно все спишем на старую технику, выработавшую свой ресурс. А вот вам придется тоже много бумаги измарать, – спокойно парировала она выпад, перейдя к следующему пункту: – Но не забывайте, что к нам обращаются за информацией абсолютно все службы московской милиции. В том числе собственная безопасность и инспекция по личному составу. Да и прокурорские, бывает, захаивают. Они же проверять начнут прежде, чем что-то всплывет про технику. А уж если им что-то нужно пообещать...

– Вот так вот они сходу взяли и вписались в вопрос по вашей просьбе! Ага! Что вы несете!

– А вы рискните и попробуйте мне возразить, – повышая голос, продолжила Людмила Владимировна. – Да, вот еще что. Я его сейчас заберу, – она указала на Алексея, но, заметив вскинутые брови начальника, уточнила: – ладно, может и не я, у меня же полномочий таких нет. Пусть мои друзья его заберут, а они заберут, не сомневайтесь, и отвезут в медицинское учреждение. Где ему осматрят голову, и признают его травму опасной для жизни. Вы говорите,

он ее получил не в драке? Показаний таких нет? А где? Уж не ваши ли опера на допросе постарались? Мне свидетелей поискать, что его абсолютно здоровым забирал наряд? Так ведь я найду! Вот ведь неприятность будет! Служебное расследование, нервотрепка... А хотите ваш же наряд и подтвердит, что целым и невредимым его вам на руки сдал? Так как действовать будем? Может, все же нормально поговорим?

– Ладно, успокойтесь. Мы же свои люди, договоримся, – пошел на попятную начальник. – Только выбросить заявление я тоже не могу. Оно зарегистрировано, и...

– ...оформлено как этнический конфликт? Журналистов позвать? Интервью дадите?

Начальник замолчал, сверля женщину взглядом. Та и сама была не рада, что не удержалась, и добавила эту фразу, когда майор уже пошел на попятную. Но держалась спокойно и уверено, вдобавок, идти с ней на конфликт ради кого? Кавказцев обиженных? Поэтому через минуту он прервал молчание:

– Хорошо. Пусть это будет мелкое хулиганство. Переквалифицируем дело. С представителями другой, негритянской музыкальной субкультуры во мнениях разошлись. Удовлетворены?

– Так точно.

Начальник снял трубку, дождался ответа.

– Личные вещи Чернова ко мне в кабинет. Пусть дежурный принесет! – сказал он кому-то в трубку, затем обратился к Алексею: – Тебя вызовут через пару дней. Придешь. Подпишешь протокол, возьмешь квитанцию, штраф в течение месяца оплатишь. И можешь быть свободным. Пока. С твоими взглядами на жизнь мы еще встретимся. Я не сомневаюсь.

В кабинет вошел дежурный, принес с собой вещи Алексея, затем зачитал с протокола досмотра, перебирая вещи:

– Мобильный телефон, ремень, кожаная папка, ручка, тетрадка, связка ключей, кошелек, денежные средства в размере трехсот сорока рублей. Все на месте?

– Они двести долларов прикарманили. Я в протоколе не расписывался, подпись нарисована, – сказал Алексей, обращаясь скорее к тетке, чем начальнику криминальной милиции. Мелочевку вроде сигарет он упоминать не стал.

– Значит, не было их при досмотре, – равнодушно сказал дежурный. – И подпись его.

– Я смотрю, тут кто-то подставляется не по-детски, – прокомментировала ситуацию тетка. – А вы, товарищ майор, смелый начальник. Графологическая экспертиза покажет подделку, и привет.

– Если вас этот вопрос так волнует, можете рассказать это начальнику милиции общественной безопасности. Его люди отличились при досмотре, – равнодушно пожал плечами майор. – Я только за оперов отвечаю.

– Разбирайтесь сами в вашей богадельне, – сказала Людмила Владимировна, взяла со стола конверт, открыла его, достала две стодолларовые купюры, отдала Алексею. После чего положила конверт с оставшейся суммой обратно на стол и с улыбкой добавила: – Эту пропажу, или, если быть точнее, кражу, вы в состоянии раскрыть сами.

Начальник усмехнулся, отпустил жестом дежурного, наблюдавшего эту картину и теперь в свою очередь старательно сдерживающего улыбку. Дождавшись, когда тот покинул кабинет, он бросил конверт себе в выдвижной ящик стола, и сказал:

– Ну что, давайте закончим с формальностями?

– Так ты и есть Маша? – улыбнувшись, сказала Людмила Владимировна, только переступив ее порог.

– А вы что, знакомы? – удивился Алексей, но Маша, только его увидев, сразу бросилась на него и застучала своими кулачками ему в грудь:

– Ты где был?! Еще раз пропадешь неизвестно куда, то меня здесь больше никогда не увидишь! – но быстро выдохлась и повисла на шее Алексея, постоянно всхлипывая.

– Между прочим, девушка права, – поддержала Машу тетка, – вот представь, допустим, через лет пять–шесть завели вы ребенка, мама его накормила, уложила спать, а папка в это время кавказцев гоняет или в ментовке сидит, а то и вообще срок мотает. Как, нормально?

Возразить Алексею на это замечание особо было нечего.

– Вообще, гордился бы своей девушкой, – продолжала тетка, – среди ночи на уши подняла всех. Ради тебя, дурака.

– Кстати, а как? – спросил Алексей. Маша, все еще уткнувшись ему в грудь, сказала:

– У тебя в компьютере резервная копия телефонной книги из памяти телефона. Я звонила всем подряд, что бы хоть что–то про тебя выяснить.

– Хм... Надо ребятам тогда сказать, что со мной все нормально, они же наверное теперь на черных сезон охоты открыли...

– Дурак! – Маша стукнула его еще раз обоими своими кулачками, после чего обратилась к тетке: – Вы извините. Пойдемте я вас чаем угошу.

– Не откажусь, – снова улыбнулась тетка и пошла вслед за Машей на кухню. За ними уныло побрел и Алексей.

Через пятнадцать минут они втроем на кухне пили чай, где и продолжили беседу.

– Алеша, расскажи нам что ли свои дальнейшие планы на жизнь... – произнесла тетка.

– Да какие могут быть планы. Отец отказал в финансировании. Значит надо искать работу.

– Правильно мыслишь. Дальше.

– Что дальше? В таких условиях я не вытяну обучение в институте. Это не реально.

– Перевестись на вечернее сможешь?

– Да, но что с армией делать в таком случае?

– В военкомат я отправлю справку о том, что ты обвиняемый по делу. Маша, не волнуйся, – сказала тетка, заметив как та поперхнулась, – это «липа». До весны отстанут.

– Хм... Где ты такую возьмешь?

– У друзей. Или сама нарисую. Это не твоя забота.

– Смысл? Дальше–то что? Весной опять армия, – сказал Алексей. – По мне так раньше сядешь – раньше выйдешь.

– У тебя же есть диплом о среднем специальном образовании?

– Да, есть. А толку от него?

– Этого достаточно, что бы соответствовать минимальным требованиям для службы в милиции.

– Чего? – удивился Алексей.

– Ты будешь служить в милиции. В моем подразделении. Армия тебя не тронет в этом случае. И сможешь спокойно доучиваться на вечернем.

– Кто меня туда возьмет?! – воскликнул Алексей. – Ты мою биографию представляешь? Ты хоть приблизительно представляешь, что обо мне участковый напишет?

Однако Людмила Владимировна совершенно спокойным тоном ответила:

– Представляю. И достаточно явно. Придется почистить базы данных. А участковый пусть пишет что хочет, решение по кандидату принимать мне. Конечно, я несколько подставляюсь. Но на твоё благоразумие все же рассчитываю. Или зря?

– А ничего, что мы вроде как родственники?

– На это требование законодательства у нас давно по–тихому все кладут. В общем, это не является препятствием. Кроме того, там речь только о близких родственниках. Это родители,

дети, братья, сестры, мужья, жены. Про остальных там ни слова. И у нас разные фамилии. И ты будешь помалкивать. Ясно?

Глаза Алексея округлялись все больше.

– И чем же я буду там заниматься?

– Зависит от отдела, в который попадешь.

– И в какой я попаду?

– В какой возьмут! – резко ответила тетка, потеряв терпение. – Не в твоём положении выбирать!

– То есть в военкомате меня как потенциального зека будут учитывать, а милиция на работу брать будет? Да как такое возможно? Это нормально вообще?!

– Не на работу, а на службу. И в нашей стране много чего не нормально, только всем на это глубоко... Лично мне все равно, что о тебе военные думают. Как и им наплевать на наше мнение.

Над столом повисла тишина. Через некоторое время ее нарушил Алексей:

– Что-то я слабо себя представляю в роли мента. Когда мой ответ нужен?

– Твою ж мать! – не удержалась тетка. Затем тут же поправилась: – Я не Иру сейчас имею ввиду, царство ей небесное...

– Соглашайся немедленно, если тебе не все мозги железякой отшибли! – выпалила Маша. – Или тебе совсем на всех плевать?

– Хорошо, убедили. С пацанами придется объясняться... – но он не договорил, поскольку Маша тут же заехала ему локтем в бок по ребрам. – Да согласен я, согласен...

Маша посмотрела на Алексея, тяжело вздохнула, затем сказала:

– Спасибо вам, Людмила Владимировна.

– Не стоит меня за это благодарить, Машенька. Еще не известно, чем вся эта затея обернется. Но это все же лучше, чем скатиться по наклонной на самое дно.

– Все равно спасибо.

– В общем так. Завтра приезжай ко мне на службу. Начнем бумажки готовить.

– Куда ехать-то? – спросил Алексей, взяв ручку, лист бумаги и приготовившись записывать.

– Не записывай. Адрес ты знаешь и так.

– Да откуда же мне его знать? – удивился Алексей. – Я дальше нашего отделения никуда не ездил.

– Хорошо, диктую, пиши. Улица Петровка, дом 38. Чего не пишешь-то? – усмехнулась она.

На этот раз поперхнулся Алексей, Маша удивленно уставилась на Людмилу Владимировну. Откашлявшись, он произнес:

– Шутки у тебя, тетка...

– Я совершенно серьезно говорю. И запомни, ты там будешь нести службу под мою ответственность. И если тебе остатки мозгов не отбили дубиной, или чем там еще... То может из тебя что и выйдет. Посмотрим...

Алексей посмотрел на тетку, теперь уже даже немного испугано. Смысл сказанного стал доходить до него, тогда он спросил ее:

– А если я накосячу там по-крупному?

– Значит, я буду отправлена на пенсию как неквалифицированный специалист. Не велика потеря, если честно. А тебя посадят, если по-крупному.

Алексей попробовал представить себя в форме милиционера и поморщился. Похоже, жизнь преподнесла еще один неприятный сюрприз. Но особого выбора не было...

– Как можно заставить человека тебя так сильно не любить? – спросила Алексея Людмила Владимировна, читая характеристику от участкового, временами откровенно усмехаясь.

– Так я «стучать» на своих в свое время отказался. Теперь мне этот гаденыш мстит.

Тетка лишь покосилась на племянника, продолжив дальше ковыряться с компьютером.

– И да, запомни, в этих стенах я для тебя Людмила Владимировна. Или майор Филатова. Или просто товарищ майор.

– А ты майор? Круто! – но спохватился, тут же поймав на себе сверлящий взгляд тетки. – Простите, Людмила Владимировна. Я забылся.

– Так-то лучше. – Она достала очередную бумажку и стала ее читать, затем ее глаза округлились, и она сказала: – Алеша, объясни мне, пожалуйста, о чем ты беседовал с психологом?

– Он гадости написал обо мне, да? Я так и думал. Он просто спросил, могу ли я причинить боль человеку. – Людмила Владимировна хмыкнула, в принципе, объяснения можно было не продолжать, но Алексей решил рассказать все полностью: – В общем, я ему объяснил, что не только могу, но и еще рассказал как именно, что бы человеку было больней. Это же вроде обычные местные методы добычи информации. Или нет?

– Даже если и так. Зачем об этом рассказывать врачу? Есть у тебя голова на плечах?

– Так я ему вроде сказал, что просто так я никого не обижу. Но он, наверное, очень впечатлительный человек. Не поверил.

– Они там все очень впечатлительные люди. Я вообще удивлена, как ты смог относительно без проблем пройти комиссию. Если не считать психолога, конечно.

– А в чем должны заключаться проблемы?

Она задумалась, посмотрела на племянника, но решила не отвечать на его вопрос.

– Это не важно, проехали. С переводом на вечернее в институте тоже проблем не было?

– Да, они даже обрадовались, на вечерне-заочном отделении желающих учиться мало почему-то. Правда на год больше обучаться, и программа отстает, но оно и к лучшему, теперь долгов у меня нет.

– Это потому, что план по выпуску никто не отменял, в том числе и с вечернего отделения. Тут как раз все понятно.

– Плохо только, что мне год накинули...

– Выражения у тебя... – улыбнулась тетка. – Ничего, четыре года не срок! Доучишься. Да там и требования поменьше, я думаю.

В этот момент в кабинет постучались, дверь приоткрылась, и в нее деликатно заглянул мужчина. Людмила Владимировна бросила взгляд на дверь, но тут же улыбнулась и сказала:

– Заходи Старков.

Но он покосился на Алексея и сделал вопросительное выражение лица.

– Да заходи, не стесняйся. Все свои.

Тогда Старков зашел в кабинет, держа в одной руке торт, в другой пакет, в котором отчетливо что-то звякало.

– Люся, привет! Держи презент, – сказал он и вручил ей торт.

– Давай презент! – живо отозвалась она, покосившись на пакет. – Не стесняйся, выкладывай!

– Кхм, ты извини, вина нет, только водка, ты ж ее вроде не пьешь...

– Зато мой муж пьет! А для вина мне скоро погреб понадобится. Давай сюда! – сказала она и взяла пакет, затем сунула его в выдвижной ящик. После чего улыбнулась Старкову, и наигранно произнесла:

– Чего изволите?

– Выписки о званиях Блинову и Рябову.

– А, ну да... – она залезла в отдельно лежащую папку, нашла там нужные бумажки, и вручила Старкову. Уже серьезнее, но отбросив весь наигранный официоз спросила: – Что–то еще хочешь?

– Ну что я могу попросить от начальника по кадрам? – сказал он, потихоньку удаляясь к двери.

– Чего ты хочешь попросить у меня? – демонстративно удивилась она.

– Кадры! – сказал он, и потянулся к ручке двери кабинета.

– А где ж их взять, если их нет? – ответила вопросом она, уставившись на Старкова, затем ее взгляд переместился на Алексея. – Хотя... Александр Петрович, задержись пожалуйста...

Старков остановился, удивленно–вопросительно смотря на нее.

– Видишь кандидата на службу? – она указала на Алексея. – Он, в принципе, ничей. Хочешь? Забирай.

– Люсенька, – с заигрывающей интонацией отозвался Старков, – ну что значит ничей, так не бывает.

– Ладно. Он мой племянник.

– А ты говоришь ничей! Он твой! – сказал Старков воодушевленно. – Но если он племянник, формально, могут быть затруднения...

– У нас разные фамилии.

– А, тогда ладно, я никому не скажу! И что, дело его еще другие начальники не смотрели?

– Нет. То есть, Федоров о нем знает. Он ему не нужен. Может тебе пригодится?

– Люся, так что ж ты молчала–то! – он оценивающе посмотрел на Алексея. – Хорош!

– Ты бы не спешил с выводами... – сразу попыталась остудить она пыл.

Старков вернулся к столу, еще раз внимательно посмотрел на Алексея, все это время непонимающе поглядывавшего то на тетку, то на Старкова, одобрительно кивнул, и спросил:

– Где подвох? Давайте так. Говорите сразу и все, а еще в чем главная проблема?

– Держи, – сказала она, передавая характеристику от участкового. – Вот еще от психолога забавная писанина, ты оценишь юмор. В остальном, особых проблем нет.

Старков погрузился в чтение, по мере которого на его лице отображалась гамма эмоций. В конце концов, он произнес:

– Люся, я все понимаю, но если он залетит, и, не дай бог, всплывет это, твоей карьере конец.

– Я в курсе. Значит пенсия, – совершенно спокойно отозвалась она.

Старков почесал затылок, затем, улыбнувшись, деликатным тоном произнес:

– Что–то еще интересное про него есть? Что–то, чего нет в бумагах?

– А то! Как в Греции! Держи еще. Это Федоров обещал выпилить из баз данных, официально этого больше нет, – выдвинув ящик стола, она передала Старкову увесистую пачку листов с распечатанным текстом. Он их бегло просмотрел. Затем сказал:

– Люся, а вот за это ты можешь и без пенсии остаться, и отъехать в другие, более интересные места. Понимаешь же, этого не будет только в компьютере. На бумаге точно где–то еще осталось, раз у тебя в столе есть. Слушай, объясни мне, зачем тебе это все надо? Только честно.

– Алеша, иди, погуляй за дверь, – сказала она.

– Так точно, товарищ майор, – ответил насупивший Алексей, которому совершенно не понравилось обсуждение его персоны в таком ключе, и вышел за дверь. Минут через пятнадцать ожидания Старков вышел из кабинета, похлопал Алексея по плечу, затем сказал:

– Я подумаю еще на твой счет. Тебя Люся звала, – сказал он, указывая внутрь кабинета. После чего снова бросил на Алексея любопытный взгляд, и пошел куда–то по коридору.

Алексей зашел назад, подошел к тетке, которая, подперев голову рукой, смотрела в окно, кашлянул. На столе стояли две пустые чайные чашки, на блюде виднелись остатки кусочков торта. Она повернула голову на него, затем написала что-то на пропуске, шлепнула печать, вручила Алексею и сказала:

– Придешь в понедельник, там будет чья-то смена, я не совсем поняла... В общем, что-то вроде собеседования тебе хотят устроить. Если ты попадешь в отдел к нему – тебе очень повезет. Если нет – будешь в вечных усилениях и на побегушках у кого-нибудь еще. На сегодня можешь быть свободным.

Алексей кивнул и собрался уже уходить, но тетка снова заговорила:

– Хотя погоди. – Она взяла пакет и отправила туда практически еще целый торт в коробке. – Отдай Маше.

– Спасибо, – сказал Алексей, улыбнувшись.

– Не задерживаю более, – ответила она холодным, официальным тоном. Пожав плечами, Алексей направился к выходу.

– Иван, отведи, пожалуйста, к Старкову Алексея, – сказала Людмила Владимировна, указывая на племянника.

– Пошли, – равнодушно ответил Иван, бросив беглый оценочный взгляд на него.

Алексей в свою очередь скептически посмотрел на Ивана. Худой, какой-то взъерошенный, в потертых джинсах, свитер, висящий на нем, как на вешалке... Не выдержав, он сказал:

– А ты точно мент?

Людмила Владимировна повернула голову и с интересом уставилась на молодых людей, старательно сдерживая улыбку, Иван же вскинул брови, еще раз окинул взглядом Алексея сверху донизу, затем сказал:

– Далеко пойдешь, под формат стереотипов о милиции в народе подходишь. Только не подумай, что телосложением.

– Чего?! – воскликнул Алексей, и даже подался вперед к Ивану, тот попятился, но тут же вмешалась Людмила Владимировна:

– Ну–ка оба отставить! – повысила она голос. – Чернов, хватит искать приключений на свой зад! Сделай одолжение. Рябов, просто доведи его до места назначения, ладно?

Иван кивнул, хотя и сказал достаточно ехидненько:

– Просто иди за мной, и никуда не сворачивай, хорошо?

Алексей насупился, но пожал плечами и последовал за Иваном. Тот повел его по коридорам, узким лесенкам и каким-то закоулкам зданий на Петровке, которым, казалось, не будет конца. Не выдержав, Алексей спросил:

– Слушай, чего-то мы каким-то странным маршрутом идем. А тут есть более прямые дороги?

– Конечно, есть, – ответил Иван уже без всяких подколов, видимо немного опасаясь Алексея. – Только по ним генералы ходят. Нам запрещено по ним ходить, что бы на глаза не попадаться лишний раз. Так что, мы обходим их пути-дорожки умышленно. Но путь становится от этого естественно длинней.

Воображение Алексея быстро нарисовало картину, в которой спешащий на задержание опер оббегает маршруты передвижения генералов, коих тут должно быть не мало. Картина показалась ему настолько бредовой, что он достаточно жестко спросил:

– Это у тебя очередная шутка такая?

– Нет, я совершенно серьезен, – ответил ему Иван спокойным, равнодушным тоном. – Честно.

Алексей так и не понял, был ли это сарказм, или нет, потому задал еще один вопрос:

– А что тут еще генеральского есть?

– Столовая, например. Формально она, конечно, общая, только супчик из осетровых себе может позволить далеко не каждый. И даже если вдруг можешь, очень не советую его тебе хлебать на виду у полковника какого-нибудь, или тем более генерала, трапезничающего за соседним столиком. А то у них сразу вопросы о доходах молодых лейтенантов возникают, наверное, одновременно с изжогой. Зарплата генерала, кстати, не такая и большая, всего-то раза в два больше лейтенантской, и они тоже не... – Иван запнулся, видимо решив не доводить свою мысль до конца. – Короче, кушать надо в обычной, общей, дабы их не смущать своим видом и не портить уважаемым людям аппетит. И себе заодно.

Алексей снова с сомнением покосился на своего спутника, и произнес:

– Слушай, Иван, я вот не пойму, ты серьезно, или издеваешься?

– Алексей, зачем мне над тобой издеваться? Я так понимаю, ты все эти вопросы можешь уточнить при желании у своей тетки. Так она подтвердит, думаю. Хотя эти вопросы тут лучше не задавать вообще. Никому.

– А тут все об этом знают?

– О чем?

– Что она моя тетка?

– Все, кому это нужно знать, знают. Полезно знать, кто тебя рекомендует и чей ты человек.

– Зачем? – удивился Алексей.

– В первую очередь, что бы сделать вывод о том, представляешь ли ты опасность, кому и какую. Кто за тебя вступится, если что. Поделить на свой-чужой...

– И какую я тебе представляю опасность?

– Мне – никакую. Мы пришли, – Иван указал на дверь кабинета Старкова.

– Ладно, ты извини, ты выглядишь...

– Как? – заинтересовался Иван. Теперь в его речи проявились какие-то эмоции.

– Не стереотипно. И не форматно, – ответил Алексей. Затем, скривив улыбку, добавил: – Именно телосложением.

Иван в третий раз оценил Алексея с головы до ног, улыбнулся и сказал:

– С тобой было бы любопытно поработать. Ты далеко не быдло, и соображать вроде умеешь. Просто, видать, не хочешь.

Пока Алексей думал, воспринимать ли такую оценку как оскорбление, или как похвалу, Иван постучал в дверь, не дожидаясь ответа, открыл ее, и сказал:

– Александр Петрович, клиент доставлен.

– Спасибо Ваня, можешь идти, – ответил тот. – Алексей, заходи.

Алексей вошел в кабинет, Иван с внешней стороны закрыл за ним дверь. Помимо уже известного Алексею Старкова, рядом с ним находился еще один, достаточно пожилой мужчина в костюме, причем сидел он на стуле, приставленном торцу стола начальника, закинув ногу на ногу, что явно говорило о его особом положении.

– Меня ты вроде уже знаешь, – начал Старков, – но если забыл, напомним – майор милиции Старков Александр Петрович. Рядом со мной наш самый опытный сотрудник, майор милиции Варшавский Яков Леонардович. Наша задача сейчас понять, что ты за человек и что из себя представляешь. Это ясно?

– Вполне.

– Может у тебя есть какие-то вопросы?

– Нет, – ответил Алексей, но быстро добавил: – Хотя есть один, можно?

– Давай.

– Тут правда есть генеральская столовая?

Мужчины переглянулись, удивленно подняв брови, тогда Алексей поспешил добавить:

– Это мне Иван рассказал, пока мы шли сюда.

– А что вам Иван еще рассказал? – подал голос Яков Леонардович, в вопросе которого явно ощущалось любопытство.

– Что нужно обходить маршруты генералов, это приказ.

– Это не совсем приказ... – засмутился Старков.

– Саша, ну а что это? Ты давал такое указание всем сменам, Иван это воспринял как твой приказ. Это же не просьба?

– Нет, но это он зря...

– Это почему же? – снова заговорил Варшавский. – Он этого молодого человека сразу ввел в курс дела. Все правильно.

– Ладно, это все не важно, – снова заговорил Старков бодрым тоном. – Скажи нам Алексей. Сколько на тебе хулиганок было, до того, как их почистили?

– Три... – немного засмутившись, ответил Алексей. – До них был учет для несовершеннолетних. Да вы, наверное, читали...

– Несовершеннолетние твои похождения оставим в прошлом, с них спроса нет. Нам сейчас интересно, что за официальным языком сводок о твоих похождениях стоит. За что хулиганки были?

– Первая, это мы в лесу шашлык жарили с ребятами.

– За костры другая статья! – сразу отрезал Старков.

– Там не в костре дело было. Зашел я за дерево по малой нужде, ну, делал свое дело, и не заметил, как подкрались кентавры.

– Кто? – снова удивленно уставились на него мужчины, явно заподозрив неладное. – Вы случаем наркотиками не балуетесь?

– Нет, только алкоголем, – честно признался Алексей. – Я имел в виду конную милицию, извините. А у нас все потрачено уже на бухло... То есть, на продукты. В общем, даже откупиться нечем было. А пузырь они не взяли почему-то.

– Ясно. Кентавры значит? Яша, как тебе? Хе-хе, – Старкову явно пришлось по душе это сравнение. – Понятно. Ладно, допустим. Вторая?

– Поздновато под гитары песни пели. День рождения отмечали. Кто-то вызвал наряд. Почему-то принципиальными оказались менты... Извините, я хотел сказать милиционеры. Они сами предложили нам выбрать троих. Из разговора их стало понятно, что для плана.

Старков вздохнул, и продолжил:

– Ладно, верю, а третья?

– Драка с кавказцами. Там меня вообще посадить хотели, но тетка помогла.

– Хотя бы честно, – сказал Старков. – Может, сможешь объяснить нам, что они такого плохого сделали?

– Эти еще ничего не сделали, практически.

– Так за что тогда вы их? Вы расист? – деликатным тоном спросил Яков Леонардович.

– При чем тут расист? Я ничего не имею против других наций. У нас даже в составе есть... Это не важно кто именно. Не русский. А что до них... Просто сначала приедет один, осмотрится, квартиру снимет, потом за ним весь его дикий клан с гор спустится.

– Вы хотели сказать семья? – снова уточнил Варшавский.

– Нет, именно клан. Они по одному не опасны, сами всех боятся. А когда сбиваются в кучу, наверное, решают, что можно снова жить так, как они привыкли. Но привыкли они так: кто сильнее, тот и прав. Мы сначала пытались с ними разговаривать. Но это бесполезно.

– И что же, сами решили действовать с позиции силы? Чем же вы тогда от них отличаетесь? – продолжал интересоваться Варшавский.

– У вас дети есть? – неожиданно спросил Алексей.

– А какое это отношение имеет к вопросу? – удивился Старков.

– Прямое. Наверное, они не такие как я, у вас дети милиционеров же! Вы же тоже знаете, как оно на самом деле, оберегаете их. Вот только они, или такие, как, например, ваш Иван, более–менее спокойно по улицам ходят потому, что как стемнеет, именно мы на детской площадке сидим, и песни горланим под гитары, откуда вы нас, правда, выгоняете постоянно. Мы же не трогаем никого из тех, кто у нас на районе живет! Но представьте, мы встали и разошлись по домам раз и навсегда. И больше не вернулись. Место долго пустовать не будет. Там очень быстро будут сидеть на корточках эти кавказцы. Именно тогда, когда ваш сын будет поздно с учебы возвращаться. Один. Он чужак, не такой как они, с ним церемониться не будут. Он в одиночестве, значит слабее. Еще и иноверец для них в большинстве случаев, то есть вообще не человек. А если это ваша дочь, да еще в мини юбке? С русскими можно творить что угодно. Кстати да, наверное, это расизм. Только обвинять национальные меньшинства в этом у нас не принято.

– Но погодите, можно же сообщить об этом...

– Куда? – перебил Варшавского Алексей. – В милицию? И что милиция может сделать до? Профилактическую беседу провести? Убедите тигра не есть мясо. Нравится вам, или нет, а беспредела не допускаем именно мы, они нас боятся, не милицию. Если зубы показывают, приходится зубы выбивать, а их на место ставить. Милиция прилетит именно после, когда уже есть кого и, главное, за что забирать. Если вашего ребенка уже изуродовали, вам легче будет, что злодеи задержаны?

– Можешь не продолжать, я тебя понял, – ответил Старков. Затем повернулся к Варшавскому: – Яша, не кипятись. В этом он прав. «Палки» считаются и идут в рабочий отчет. Беседы – никому нахрен не нужны.

– Нельзя все сводить к разнице по национальному признаку, – не сдавался Варшавский, хотя уже больше по инерции.

– Никто и не сводит, – ответил Алексей, – это тут вообще не при чем. Абсолютно любой чужак сразу будет замечен.

Варшавский задумался, затем удивленно воскликнул:

– Это что же получается, они нашу работу по профилактике преступлений так проводят?!

– В некотором роде, да, – ответил ему Старков. – Яша, у них каждая группа держит свою территорию, а разница в субкультурах для того и была придумана, что бы подчеркнуть особенности каждой и охранять границы, где она в моде. Они же друг друга раньше никогда не калечили, не убивали... Ну морду кому набьют, фингалами разукрасят, это да. Ерунда все это. А тут появились эти... Ну ты представь реакцию тех же кавказцев, если к ним домой придут русские со своими порядками? Собственно, что представлять–то... В общем мне все понятно, и я рад, что он сам кое что понимал, а не просто кулаками махал. Только так продолжаться больше не должно, это ясно?

– Вполне, – ответил Алексей. – Давно уже пора мне передать эстафету.

– Ладно, Алексей, убедили. Это очень необычная жизненная позиция для молодых специалистов нашего отдела, которую я за свою тридцатилетнюю карьеру здесь еще не встречал. Да, она мне не по душе. Но я не могу назвать ее отрицательной, оттого это даже интересней. – Варшавский задумался, но быстро спохватился: – То есть вот я к чему. Может сейчас время такое. Но давай, Саш, дадим ему шанс. Иначе пропадет парень.

– Тогда решено, Яша, води его в зал, да посади куда–нибудь поближе к Ивану, и запомни Алексей, Иван уже лейтенант милиции, а на тебя мы еще посмотрим, прежде чем на тебя погони одевать. Ты должен слушаться его, оставь свои кривые взгляды в его сторону, – сказал Старков, беря трубку телефона и набирая внутренний номер. – Люся, мы забираем твоего парня. – Сменив интонацию на игривую, он добавил: – Ты не поверишь, он таки понравился Яше. Оформляй. – Варшавский фыркнул, а Старков набрал еще один номер, не обратив на

старшего коллегу внимания: – Ваня, введи в курс дела клиента. И вообще, возьми над ним шефство, что ли... Яша, то есть Яков Леонардович, поможет если что.

С тех пор Алексей стал ходить на службу на Петровку.

Поворот в судьбе Алексея был глобальным, прямо в противоположную сторону на 180 градусов. Поначалу, ощущения его были странными. Итак, совершенно того не ожидая, он стал сотрудником милиции. Постепенно стал втягиваться в рабочий процесс, что хотя и было не просто, но следовало признать, что в то же время происходящее вокруг было достаточно интересным. А обещания тетке и Маше не позволяли расслабиться, дополнительно мотивируя к работе. Заметив его отношение, к нему вскоре тоже стали относиться достаточно доброжелательно, разве что Петр Блинов оставался каким-то независимым и на своей волне. Даже Иван, пусть и получил бы вполне заслуженное клеймо

«ботаник» в его кругу, не ленился подсказывать и объяснять, и оказался интересным собеседником, хотя и со своеобразным взглядом на все вокруг. Потом он как-то показал местную «подпольную» сетевую библиотеку – фильмы, музыка, программы. Алексей совершенно искренне не понимал, почему про нее надо помалкивать, если о ней, оказывается, все знают. Даже генералы, так как по заверению специалистов по компьютерным сетям, естественно в не официальных беседах в курилке, фильмы скачиваются и на генеральские компьютеры. А еще чуть позже, витая в каких-то своих облаках, и потому совершенно не желая коротать время до конца рабочего дня за разговорами ни о чем, Иван показал сервер «Контры», за что в глазах Алексея мгновенно повысил свой статус до практически нормального, полноценного человека.

Так же постепенно менялось и его отношение к милиции в целом и ее сотрудникам в частности. Все же форма скрывает личность человека. Поэтому вполне возможно, что изменению взглядов способствовал тот факт, что собственно форму они одевали раз в год по обещанию, да и мелькавшие в ней туда-сюда люди на территории быстро приелись и стали обыденностью. И за ней стали проступать обычные человеческие черты, разные характеры. А уж если эти люди к тебе относятся не как к жертве, а как к своему, то волей-неволей начнешь сначала понимать их нужды, интересы, а потом и вовсе начнешь симпатизировать. Не всем, естественно, но некоторым точно. Хотя естественно первое время Алексей от людей в форме откровенно шарахался в сторону, чем очень забавил окружающих.

Так, постепенно, прошли три месяца стажерского срока, а вскоре его уже поздравляли с присвоением первого звания. За ним последовало обучение в школе милиции.

Зато его совершенно не поняли во дворе. Однажды, когда он при полном параде возвращался вечером из школы милиции, в новеньком обмундировании со всего одной маленькой звездой на погонах, приметившая его компания ребят и девочек в косухах отреагировала сначала потерей дара речи и полнейшей тишиной, а затем улюлюканьем вслед. Кто-то даже запустил в спину банкой из-под пива. Алексей остановился и с грустью посмотрел в их сторону, от него же все дружно отвернулись в другую сторону, так и не удостоив его внимания. Пути назад были отрезаны.

Последние отголоски шумного детства постепенно поблекли, потускнели и затихли. Начиналась новая, совершенно другая, жизнь. По крайней мере, так представлялось Алексею. Все теперь изменилось и стало другим. В том числе и он сам.

Наверное, так и должно было произойти.

Год 2007.

– Леха, встань под окна опорного пункта. А то господа участковые разбегутся. Я войду через парадный вход.

– Понял Дима, контролирую, – ответил Алексей и встал под окна, Кукушкин же вошел на опорный пункт. Через несколько минут одно из окон отворилось, и из него высунулся молодой

человек в форме милиционера, естественно тут же практически столкнувшегося лицом к лицу с Алексеем.

– Добрый день товарищ лейтенант, воздухом решили подышать? – улыбаясь, спросил его Алексей. Тот даже испуганно отпрянул, совершенно не ожидая увидеть у окна кого-либо. – Ну что же вы через окно сбежать пытаетесь?

– Да-да, – донесся из глубин помещения голос Кукушкина, – не хорошо убежать.

– Я вовсе не собирался убежать, – пробубнил лейтенант. – Жарко, решил проветрить помещение.

– Мы так и поняли, что работа кондиционера вас не устраивает. Ну что ж, патруль милиции, майор Кукушкин, предъявите ваше удостоверение. Леха, заходи сюда, – повысив голос, добавил он в окно.

– Бегу, – отозвался Алексей и направился к входу.

– Есть кто еще на опорном? – спросил Кукушкин.

– Никого, – ответил участковый.

– А по графикам приема населения на табличке на дверях вроде должны быть еще люди. Как так?

– У нас некомплект и отпуска, я один всех принимаю.

– Печально. Леха, он тут один, – расстроено сказал Кукушкин подошедшему Алексею.

– Вот блин! – отозвался он. Участковый лейтенант с опаской смотрел то на одного, то на другого, категорически не понимая странность поведения патруля милиции. А ответ был простым.

Обычно усиленные варианты несения службы объявлялись в случае массовых гуляний и праздников, и тогда сотрудников информационного центра обычно использовали в качестве оцепления. Но какой-то умной генеральской голове это оказалось мало, и офицерам различных подразделений была поставлена обязанность периодически участвовать в патрулях, контролирующих работу других милиционеров. Это мероприятие представляло собой отлов людей в форме, и выявление у них каких-либо нарушений, таких как игнорирование воинского приветствия, наличие просроченного удостоверения или ношение не установленной или смешанной формы одежды. Вообще говоря, данная, безусловно, важная работа входила в обязанности инспекции по личному составу. Но то ли у них было без того чем заняться, то ли просто не хватало людей, в итоге найти крайних в помощь оказалось не сложно.

Для солидности один из них должен был быть старшим офицером, то есть в звании не ниже майора. Варшавского для таких задач не привлекали, Блинов был капитаном, поэтому, когда выпадала очередь патруля информационно-аналитического отдела, кандидатура Кукушкина даже не обсуждалась. Он был единственным, подходящим на роль старшего. Ну а на Алексея выбор падал как на человека, которого меньше всех было жалко отрывать от прямых обязанностей.

В день, когда два человека от информационного центра передавались в распоряжение инспекции по личному составу, они сначала с утра получали задачу, в которой им обозначался район патрулирования, выдавался специальный жетон, а так же устанавливался план в виде отчета о проверке минимум десяти милиционеров. Так было в теории.

А на практике все происходило несколько иначе. Возникло сразу две проблемы.

Первая заключалась в том, что инспекцию по личному составу по понятным причинам, мягко говоря, не любили все без исключения милиционеры, не имеющие к ней прямого отношения. То есть получалось, что и те, кто проверял, и те, кого проверяли. Поэтому приданные силы не очень жаждали отлавливать других милиционеров, а тем более выявлять у них нарушения. Просто потому, что единожды сделав это, можно запросто нарваться на ответный жест, когда инспектировать сотрудников будут уже они. Кроме того, нарушать взаимоотношения между подразделениями из-за интересов третьей службы негласно запрещали сами началь-

ники, и это тоже играло свою роль. Поэтому, когда Кукушкин осмотрел участкового, завязался диалог:

– Нарушение формы одежды. Почему штанишки не шерстяные?

– Потому что лето, – огрызнулся участковый лейтенант. – Температура за тридцать. Жарко. Походите по территории в шерстяных брюках сами.

Легкие хлопчатобумажные форменные брюки были запрещены для ношения руководством главка. Вероятно потому, что шерстяные смотрелись на порядок лучше, дольше сохраняли опрятную глаженную форму со стрелками. В генеральском кабинете с отличным кондиционером, как и в иномарках с мигалками, на которых они перемещались, некоторый дискомфорт, который вызывали шерстяные брюки в тридцатиградусную жару, естественно был не замечен. А если и замечен, то пошить новые из специального облегченного материала ничто не мешало. Естественно за свой счет, но кого и когда это интересовало? Подписать этот приказ им было не трудно. А вот «на земле» все по понятным причинам повсеместно его проигнорировали.

– Ладно, не бузи. Нарушений нет, распишись, – сказал Кукушкин, протянув ему лист на подпись.

– Ребят, так вы из приданных сил! – сразу расслабился лейтенант, моментально оценив ситуацию, беря лист.

– Да, чувак! – ответил ему вошедший в помещение Алексей. – А ты бы реально в окно полез?

Участковый лишь улыбнулся в ответ.

Они покинули опорный пункт, и стали размышлять, куда им пойти дальше. Это и было второй проблемой, профессионального опыта по отлову коллег–милиционеров у них не было. Завидев патруль милиции по характерному нагрудному жетону, потенциальные жертвы просто разбежались кто куда от греха подальше, а лучшее знание местности не оставляло шансов их найти. Или запрыгивали в служебную машину, врубали сирену и срывались в неизвестном направлении. Можно было запомнить бортовой номер автомобиля, но смысла в этом было мало, так как старший экипажа без проблем отписался бы срочным вызовом куда–либо, что естественно приоритетней любой внутренней проверки. Дежурный по подразделению, конечно же, наличие такого вызова бы подтвердил и своих сотрудников прикрыл. Поэтому никакого контроля по этим ситуациям не было. Ибо все равно бесполезно выяснять.

Таким образом, вся эта затея выглядела изначально очень сомнительной. Но приказ был подписан, его нужно было исполнять. «Поймав» за первую половину дня только троих, Кукушкин вынес вердикт:

– Да, так мы план не выполним.

– Как думаешь, нам за это что–то будет? – спросил Алексей.

– Хорошего точно ничего не будет. Мы и так уже район патрулирования покинули. Давай перекусим, на голодный желудок мне не думается что–то.

– Давай. А где?

Поскольку посещать какие–либо кафе в форме без служебной необходимости руководство главка тоже официально запретило, выбор был не велик.

– Пошли к метро, – предложил Кукушкин. – Там по шаурме купим.

Однако купить по шаурме в палатке у метро с крайне любезным и внимательным продавцом, чье дружелюбие и внимание несомненно было вызвано фактом лицезрения двух милиционеров, покупающих у него этот сомнительный продукт, оказалось мало, тут же возникло новое затруднение.

– Леша, пошли кусты найдем какие–нибудь. А то гражданское население как–то очень любопытно на нас посматривает. Еще не дай бог, обляпаясь. Молодежь вон уже за телефо-

нами потянулась, сейчас будет фоткать, как менты шаурму поглощают. Хочешь стать героем фотошопа в Интернете?

– Кто нас снимает? Где? – завертел головой Алексей. Кукушкин улыбнулся, и сказал:

– Пойдем, там за домом в кустах я заметил отличную лавочку.

Достаточно быстро они добрались до места, примеченного Кукушкиным. Оставалось только догадываться, как он смог заметить ее, так она действительно была густо окружена высоким кустарником со всех сторон. По всей видимости, кто-то специально ее сюда перетащил от какого-то подъезда, что бы проезжающие мимо наряды ППС не смущать видом распития пива местным населением, или чего-нибудь более интересного, о чем свидетельствовало множество пластиковых стаканчиков, валяющихся под ногами. Рассекретить их местоположение можно было разве что из окон верхних этажей дома, рядом с которым располагался этот мини парк. Здесь они разместились и расправились с обедом. Место действительно оказалось отличным в плане маскировки, они сквозь листву просматривали всю улицу, которая, впрочем, была малолюдной. Их же оттуда за листвой было практически не видно.

– Слушай, Дим, – заговорил Алексей, – а чего ты меня в патруль постоянно берешь?

– А кого я еще возьму?

– Ивана, например.

– У Ивана есть один большой недостаток... – начал Кукушкин, но Алексей его воодушевленно перебил:

– Он всегда на своей волне? Себе на уме?

– Нет Леш, не в этом дело, – ухмыльнулся Кукушкин. – Его привычка постоянно что-то анализировать на самом деле очень неплохое качество. Просто у этого качества есть обратная сторона. Я его сначала взял, когда нас озадачили этой чушью, думали все серьезно, и пришлось пожалеть потом. Он быстро пришел к выводу, что мы занимаемся полнейшей ерундой, а коли так, потерял к процессу всякий интерес. Более того, сей процесс начал его тяготить, что отразилось сразу на его отношении к делу. Например, мы отловили кавалериста. Так Иван спросил его, почему у лошади хвост в косички не заплетен. Это не по уставу. Предложил немедленно исправить.

– Разве это не по уставу?

– При чем тут устав вообще? Лошадь должна быть сытой, здоровой и чистой. Все. Больше ничего про лошадей не сказано.

– И что кавалерист?

– Ну... Посмеялся с нами вместе. Потом. Когда я его остановил.

Алексей хмыкнул, представляя картину заплетания хвоста лошади в косички, затем сказал:

– Да уж. Выходит, мы действительно занимаемся полнейшей ерундой?

– Подумай сам, какой в этом смысл?

Алексей задумался. Но, не придя ни к каким конкретным выводам, просто спросил:

– Какой?

– Никакого, Леш. Вообще. Тебя я взял еще и потому, что тебе эта затея кажется забавной. Тебе за компьютером скучновато. Ивану – нет.

– Ну да, раньше я от ментов бегал, теперь они от меня, – сказал Алексей и захохотал. Кукушкин тоже улыбнулся.

– В общем, еще посидим полчасика, да поедим на Петровку.

– А как же план?

– Там его и выполним. Там много людей в форме ходит.

– Дим, но нам же дали этот район.

– Если быть точным, то уже не этот. Мы давно из него вышли. Леха, поверь мне, я найду на Петровке необходимое количество народу. Все подтвердят как один, что именно здесь в парадной форме случайно мимо проходили. По служебным вопросам, разумеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.